ЛАУРЕНСИЯ МАРКЕС

Белое пламя

"Белое пламя"

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Лауренсия Маркес

Ссылка на публикацию

БЕЛОЕ ПЛАМЯ

Неслитно, непреложно, неразделимо, неразлучимо.

…И больше я тебя не увижу, моя кротость, моя Радость.

Да, - так должно быть. Я поняла это с первой встречи. Таких чистых, как ты, земля носить не может. В мае – я навсегда помню этот день – за твоей спиной я увидела большие распахнутые белые крылья. Такие, как бывают у лебедей или… (нет, лучше не продолжать.)

Имени твоего я ещё не знала. И назвала тебя в сердце своём всеми именами, которые были так же светлы, как ты. Иосиф Прекрасный, аксаковский Лотарий… Мадиэль… Алёша (Карамазов). Но это неважно. Любовь не имеет здесь имени, ибо она едина; нет нужды именовать то, что и так отличается от всего остального…

C’est la vie. – C’est la mort. – C‘est l’amour. [1]

«Первая любовь есть единственная, - говорит великий Гёте, - потому что вместе со второй и через вторую высший смысл любви уже теряется. Понятие вечности и бесконечности, которое возвышает и возносит любовь, уже разрушено: любовь оказывается преходящей…»

Каждая земная встреча предупреждалась встречей-сновидением. Взглянув на тебя, я замираю, не могу сделать ни шагу. Дыхание останавливается, и безмолвные слёзы выступают от потрясения и священного ужаса: разве можно смотреть на тебя - простой смертной?!. О, снова туда, где мне было шестнадцать лет; где я пела, едва успев раскрыть глаза, с рассветом, как птица; где мир был озарён твоей улыбкой; где был ты!.. Мне кажется, только для этого я и жила.

(…И три года тихих слёз в подушку, молений, чтобы Господь не дал нас ни другим, ни друг другу, - я хотела любить тебя больше. Вот, - исполнилось. Выплакала? Вымолила? – Получай! – Некого винить…)

А между тем – я не смогла бы описать, какого цвета были эти глаза и волосы, высок ли ты был, строен ли, – это пролетало мимо.

Да как же я узнавала-то тебя, когда ты подходил?!

А была великая любовь, превосходящая земную, - та единственная, что является лишь один раз и на всю вечность. – Толчком сердца… Я жила в очарованной вселенной, но ты в ней был реально воплощённым чудом. – Я не очень доверяю фантастике, а то, что было с нами, можно выразить лишь с помощью фантастической терминологии: это было пересечение двух параллельных миров, и ты приходил в повседневный мир - из иного, высшего… Мало истинных слов на свете, но я пытаюсь найти подобие сравнения.

«Из мест, где скрыта ты, о жизни свет единый,

Души моей Шехина,

Приди, приди, как сон необычайный…» [2]

А той весной… Я плакала, а ты утешал меня. Теперь выплывает образ: огромные, внимательные очи – из чистого сапфира и, как самое небо, ясные, [3] – а ещё родинка на щеке… и усики вились. И ветер ласково перебирал твои волосы… «И кудри чёрные до плеч?» [4] - Каштановые, если быть точной. Но и это не всё.

А ещё была музыка. Я знала, что ты должен петь. Я ещё не слышала ни разу, но услышала через год и поняла, что душа нас не обманывает. Первое и лишь первое вдохновение есть откровение. Так поют небожители, вознося слушающих ввысь в столпе света… После встреч с тобою меня спрашивали: «Ты сегодня – причастница? Или у тебя день Ангела, - почему такой лик просветлённый?..»

(Неужели я всерьёз думаю, что ты существуешь, сладкопевец? Не приснилось ли это мне?

И всё-таки – это было…)

…А как дети, выбежавшие из голубой воскресной школы, окружили тебя! И выкликали твоё имя на все лады звеневшими, как колокольчики, голосами, и тянули тебя за рукава… И целые облака голубей над крышей… И скамейки во дворе были голубыми, и всё было залито тёплым светом…

И детская простота – от природы – во всём. Послушайте, как льётся ручей, посмотрите, как цветут цветы, прикоснитесь к шёрстке ягнёнка, если доведётся побывать в сельской местности… И ты был такой же – ни искусственности, ни лукавства, - а весь открытый навстречу. И я искала тебя.

«Из мест, где скрыта ты, о рая отблеск дивный,

Мечты моей святыня,

Приди, приди, как сон необычайный…»

Я не посмела тебя сфотографировать. Тёмные волосы в ветре, а за спиной – меловая гора. Пусть лучше в сердце останется твой тонкий образ. Я помню каждый жест, каждое слово твоё… Эти воспоминания не оставят меня никогда. Смотри, сделай их по тому образу, какой показан тебе на горé.[5] – На гóре была мне показана моя Радость!

(«Куда мне слать укоры,

Куда же ты ушёл без сожаленья?

Укрыли тебя горы,

Как вольного оленя,

Зову – и не слышны мои моленья…[6]»)

…Из темноты залаяли собаки, меня словно подбросило, - а ты затеплил улыбку, подошёл к вырисовывавшимся во тьме безликим силуэтам их хозяев и спросил: «Зверьки-то ваши смирные, не кусаются?» Те ничего не ответили, но после твоих слов зверьки не могли не быть смирными и кусаться!

А помнишь – поле, - как мы шли по узкой тропинке во мраке, плечом к плечу, и я, испуганная, отодвигалась, отдёргивала руку… и цикады тихо играли нам, и небо было - чёрное, а я – в белом?.. Там ты открывался мне…

(Допрыгалась? Дождалась желаемого?

Нет, - не имею права!

На свидание позвал, - откажись же теперь сама от него, когда он весь в твоих руках!

Оруженосец! ординарец! келейница! – только попробуй пасть теперь перед ним на колени, с рыданиями, в этих полях! – где же вериги твои, о брат мой Ионафан?! – о-о-о, презренный дезертир, не ори, не вой, душа, хотя бы при нём-то не изливай всё своё слёзное море, - мальчику и так тяжело…)

А свечи каштанов над нами – ослепительной, пламенной белизны, - помнишь?!

«…Радость моя, и отчего же так всегда, - всякий раз, когда я тебя встречаю, у меня так светло на душе?» - Вопрос исключительно риторический. – Оттого что ты – не человек, а светильник из золота чистого. Чистое золото изнутри и снаружи[7] – твоя светлость[8], княже.

«Но это же не от меня исходит?..»

Ты иначе ответить не мог. Подхватываю в восторженном порыве: «Ну да… конечно… это – от Христа.» (Чтобы успокоить твою скромность. Ну, пусть будет так: не от тебя. Но ведь и ты сам – чудо дарованное?..) Дальше – мои уши слышат совершенно неожиданное:

«Нет…» (Нет?! Это ты говоришь – нет?) «Это потому, что ты такая…» (После этого можно лишь запрокинуть голову в небо и со счастливыми слезами спрашивать: за что? – этот день…)

«Отчасти кем-то познанное счастье…»[9]

Пружины в ладонях. И такая боль в сердце, что дышать нельзя… А теперь я вспоминаю, как ехала к тебе. Автобус стал, и пришлось часа три плутать по полям, собирая запретные цветы. Овраги, деревья, река – и белая скала вдали. Отчего же мне здесь слышалась тишина, тяжкое ледяное молчание, колючее, шероховатое, будто мелкие острые камешки на стене?

И музыки больше не было, хотя ты пел в этот вечер.

В глубь тёмного лабиринта – со свечкой… Я пойду к тебе, а ты не возвратишься ко мне[10].

А родинок на щеке было теперь не счесть. Страшный знак. Но лазоревые твои глаза отмолчались, не ответили ни на один вопрос. И свет твоей улыбки – в нимб не вмещается, такой свет без границ не заключить в линии круга. Douce Lumière [11]…

(«Зелёное поле,

Зелёное поле,

А цветик синий…[12]»)

И прикосновение лёгкой, тёплой твоей руки. И шёл рядом со мною рыцарь и царь мой, и молчал – или говорил о Песни Песней… Я уже переложила её в стихи, но петь могла бы только тебе. А ты произнёс моё детское имя; улыбнулся, смотря в небо. Сказал, чтобы я никогда не снимала белого газового шарфа, который был

на мне в тот день. И встречу назначил, и голубых цветов принёс… Что значит голубой цветок – в немецкой романтике?.. У звезды – пять лепестков, у цветка – пять лучей… Луч – жуткое, сжигающее слово.

Знала бы тогда – всю свою кровь отдала бы!..

А была глупая мечта – провиниться перед тобою в чём-нибудь, чтобы потом можно было прощения просить…

«Прости меня, пожалуйста…»

Удивлённый всплеск ресниц, - озёра-светлояры ещё шире:

- За что?!

- Я не могу тебе сказать. (Ещё не хватало – повторять вслед за Дóлиной!)

Поклон, - рука к сердцу:

- Да…

Они были живы целую неделю, эти голубые флоксы, и осыпались побледневшими звёздочками лишь в ночь, когда отменили твоё имя. Я же в ту ночь видела на расстоянии, как ползёшь ты по полу к алтарю в белой рубахе до пят, слышала грохот ножниц, что швырял об пол постригающий, - видела и слышала, поскольку находилась лицом к тебе, стояла плечом к плечу рядом с тем, кому ты эти ножницы подавал; видела отчётливо и ужас в твоих глазах, когда в последний раз ты поднимал лицо - и взгляды наши ПЕРЕСЕКЛИСЬ! И свечи в полумраке под сводом храма капали… и женщины плакали… И в такой же рубахе стояла и я - в сорочке ведь ночной, на коленях о тебе в своей комнате молилась… "Нет, Господи, нет! Закрой скорее! Пусть он меня не видит!" И такая боль в сердце, что дышать нельзя… Я еле доползла до кровати. И четыре месяца между землёй и небом, подвешенной лампадкой на ветру – на разрыв цепей и клапанов… Мама не отдала меня в больницу - четыре месяца причёсывала, отпаивала с ложечки. Миокардит. От любого резкого движения сердечная мышца могла перегореть. Флоксы, о флоксы, зачем вы выросли?..

Одним словом, я их буду хранить. От них и сейчас тянутся волны медового аромата…

«Из мест, где скрыта ты, сладчайший мёд полыни,

Любви моей гордыня,

Приди, приди, как сон необычайный…»

Сердце моё – огнём пожжённая пустыня. Ангел души моей, умирает без тебя душа моя. Хочу быть вместе с тобою там, где ты… И я видела в сновидении, как ты мне встретишься потом… Не вместить небо в слова.

«… И на краю земного,

Где облачные тают караваны,

Душа вернётся снова

В тот день обетованный,

Когда меня позвал ты, мой названый.[13]»

Я сложила своё первое стихотворение потому, что поняла, что я люблю тебя. И ты забрал у меня все стихи, - свернул листочки, как свиток, и унёс…

(«Смотри, никому их не отдавай!» - «Только тебе.»)

Песнь Песней кончена, положите печать на сердце. Я потеряла кольцо в тех лугах, наклоняясь над ручьём…

И я скажу тебе только: благодарна, что ты – есть. Прости моё предательство…

Ангел взлетает над лугом…

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] «Такова жизнь, - смерть, - любовь» (франц.)

[2] Из стихотворения еврейского поэта Х. Н. Бялика.

[3] Исх. 24:10

[4] А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», 2 гл., 6 ст.

[5] Исх. 25:40

[6] Испанский поэт Сан Хуан де ла Крус, «Духовная песнь».

[7] Исх. 25:11, 31

[8] Из молитвы после канона Ангелу Хранителю: «Аз же своею леностию и своим злым обычаем прогневах твою пречистую светлость и отгнах тя от себе всеми

студными делы…»

[9] Слова из песни иеромонаха Романа (Матюшина) «Не разрывайте истину на мненья».

[10] 2 Цар. 12:23

[11] «Свете тихий…» - начало православной молитвы из вечерней службы (франц.)

[12] Начало польской народной песни.

[13] Испанский поэт Сан Хуан де ла Крус, «Духовная песнь».